
А. ДЖУРОВА

Роль Византии в оформлении славянского кодекса (глаголического и кириллического): Проблемы рецепции

Исследования кодикологических особенностей славянских рукописей по сравнению с уже сделанным в области греческой и латинской традиций, а также еврейской, сирийской, армянской, арабской находятся, если можно так выразиться, еще в зародыше. Самое яркое доказательство этому — вышедший в Париже в 1998 г. сборник «Recherches de codicologie comparée : La composition du codex au Moyen âge en Orient. Collection Bibliologie», в котором рассмотрены все перечисленные выше традиции, кроме славянской. Действительно, если исключить отдельные статьи или монографии, где отмечаются некоторые кодикологические особенности славянских рукописей, специальными исследованиями, посвященными этой проблеме, можно назвать лишь следующие: монографию Л. Дубровиной,¹ в которую, однако, не включен конкретный материал, и монографию автора этой статьи,² в которой результаты изучения кодикологических параметров славянских рукописей сопоставляются с конкретными образцами византийской, сирийской, еврейской, армянской, грузинской, латинской и других традиций. Относящимися к этой области исследования являются также вышедшие в последние годы монографии автора этой статьи о Ватиканском палимпсесте³ и «В света на ръкописите».⁴

В общих чертах картина исследования кодикологических параметров в основных пособиях по славянской палеографии за незначительными исключениями сводится к следующему: технологические особенности глаголических и кириллических рукописей соотносятся с византийской традицией или в лучшем случае отмечается, что комплектование листов в тетради пергаментных рукописей соответствует латинской традиции. В других случаях игнорируется протограф, т. е. недостаточно учитываются образцы, послужившие для изготовления первых славянских рукописей, — византийские унциальные и минускульные рукописи. Не указываются и технологические различия в глаголических и кириллических рукописях. Не принимается во внимание,

¹ Дубровина Л. Кодикология та кодикография украинской рукописной книги. Киев, 1992.

² Джурова А. Въведение в славянската кодикология : Византийският кодекс и рецепцията му сред славяните = Introduction à la codicologie slave : Le codex byzantin et sa réception chez les Slaves. Sofia, 1997. (Studia Slavico-Byzantina et Mediaevalia Europaensia. Vol. 7). Sofia, 1997 (резюме на французском языке).

³ Джурова А. Украсата на Ватиканския кирилски палимпсест Vat. gr. 2502. = L'Enluminure du palimpseste cyrillique du Vatican Vat. gr. 2502. Sofia, 2002. (Monumenta Slavico-Byzantina et Mediaevalia Europaensia. Vol. 16) (двухязычное издание на французском и болгарском языках).

⁴ Джурова А. В света на ръкописите. София, 2007.

что при радикальном изменении в письме византийских рукописей IX—X вв. (смена унциального письма минускульным, вызванная разрывом традиции во времена иконоборчества) византийцы прибегают к использованию менее трудоемкой технологии, позволяющей затрачивать меньше времени на изготовление рукописи. Эта технология, однако, не распространяется сразу по всей территории Византии.

Восточные византийские провинции не сразу принимают константинопольские инновации, а до некоторых областей они и вовсе не доходят. В этом отношении показательна часть греческих рукописей Кипра и рукописей из монастыря св. Саввы в Палестине, например Евангелие Cod. Sabas 248, XII—XIII вв. Коллекция рукописей этого монастыря ныне находится в Греческой Патриархии в Иерусалиме и обособлена в отдельный фонд под названием «Фонд Саввы».⁵ В западных византийских провинциях в итало-греческих рукописях эти инновации, пришедшие из Константинополя еще в IX—X вв., утверждаются только в XII—XIII вв. Следовательно, к середине IX в., когда переводятся и производятся первые славянские рукописи, среда, в которой они возникают, не является гомогенной. В ней используются как доиконоборческие технологии, так и современные, спровоцированные инновациями в византийском минускульном кодексе.

О каких инновациях идет речь?

При радикальном изменении письма в византийских рукописях IX—X вв. (т. е. смене унциального письма, при котором каждая буква выписывается самостоятельно, минускульным, при котором несколько букв соединяются) отчетливо выявляются и некоторые технологические изменения, связанные с менее трудоемкими процессами, требующими меньших затрат времени. Разрыв традиции, нехватка рукописей как следствие уничтожения их во время иконоборчества вызвали потребность в быстром создании новых рукописей.⁶ И эти новые рукописи как раз были выполнены новым, быстрым типом письма — минускулом и новой, более быстрой технологией. На этой проблеме я и остановлюсь дальше.

Именно неоднородностью среды, в которой создавались рукописи в середине IX в., а также одновременным существованием доиконоборческих и новых технологий мы могли бы объяснить тот факт, что в *глаголических* рукописях отмечается использование смешанных технологий, которые, с одной стороны, характерны для доиконоборческого достудийского, протоминускульного кодекса, а с другой — типичны для сирийской, грузинской, армянской традиций, как и для византийских унциальных рукописей доиконоборческого периода. Для *кириллических* рукописей характерна консервативная технология, отвергнутая Константинополем еще в середине IX в., но сохраняющаяся в унциальных

⁵ Džurova A. Les manuscrits grecs enluminés du Monastère de Saint-Sabas et leur influence sur la tradition slave: Le Cod. Sabas 248 de la Bibliothèque du Patriarcat grec de Jérusalem // The Sabaité Heritage in the Orthodox Church from the Fifth Century to the Present / Ed. J. Patrich. Leuven, 2001. P. 409—429. (Orientalia Lovaniensia Analecta. Vol. 98).

⁶ См.: Cavallo G. Ricerche sulla maiuscola biblica. I—II // Studi e testi di papirologia. N. S. Vol. 2. Firenze, 1967; Follieri E. La minuscola libraria dei secoli IX e X // La paléographie grecque et byzantine. Paris, 1974; Mango C. L'origine de la minuscule // La Paléographie grecque et byzantine. Paris, 1977. P. 175—180; Kalamatzi-Katsarou K. Η Βυζαντινή γραφή // Αρχαιολογία. 1982. Τ. 5. С. 35—46; Джурова А. В света на ръкописите.

греческих кодексах доиконоборческого периода, та, которая наблюдается в сирийских, армянских, грузинских, а также и в латинских рукописях.⁷ Чтобы объяснить причины этих различий между глаголическими и кириллическими кодексами, придется ответить на вопрос: почему был отвергнут глаголический алфавит и к чему привела его замена кириллическим алфавитом,⁸ который по существу является калькой греческого унциального письма.

Итак, как и когда могла возникнуть кириллица и чем можно объяснить ее победу в единоборстве с глаголицей? Для этого необходимо представить себе языковую ситуацию и письменную традицию, сложившиеся на юге Балканского полуострова с поздней античности. Б. Геров и В. Бешевлиев, используя единственно верный методический критерий — эпиграфический, исследовали вопрос о границах греческой и латинской языковых областей на Балканах во II в. н. э.⁹ В провинциальных городах страны мы находим преимущественно двуязычные надписи (греческие и латинские), в то время как в сельских районах скорее одноязычные. Надписи религиозного характера преимущественно греческие.

Протоболгарские надписи являются самым надежным свидетельством продолжения греческой культуры письма. Во всяком случае нам известны 27 датированных или датируемых надписей, сделанных начиная с 681 г. (т. е. с момента создания Болгарского государства) до его христианизации в 864—865 гг. Большое количество этих надписей позволяет исключить возможность того, что все они были выполнены резчиками из Византийской империи. По всей вероятности, носителем этого письма являлся постоянный контингент христианского греческого населения Болгарии, который сохранился и в VII в. и на который после 681 г. могла опереться протоболгарская верхушка.¹⁰ Верхушка протоболгарского населения, а также части греческого и славянского населения была знакома с внешними формами греческого маюскула хотя бы по уже имевшимся надписям. Таким образом, использование этого шрифта было связано с интересами протоболгарского правящего слоя и поэтому оставило значительные следы в центральных областях вокруг первых болгарских столиц Плиски и Преслава. В западных районах Балканского полуострова в этот период (VII—IX вв.) письменная традиция пришла в упадок.¹¹

⁷ Джурова А. В света на ръкописите.

⁸ Райков Б. 1) Българската палеография като помощна историческа дисциплина и поглед върху проблема за произхода и авторството на българската азбука // Помощни исторически дисциплини. София, 1979. Т. 1. С. 175—187; 2) Развой на българското кирилско писмо през Средновековието // Славянска палеография и дипломатика. Т. 2 (= Balcanica. Т. 3). Sofia, 1985. С. 9—16; Кирило-Методиевска енциклопедия. София, 1985. Т. 1. С. 491—509; София, 1995. Т. 2. С. 301—316; Miklas H. 1) Zur Struktur des Kyrillisch-alkirkchenslavischen (altbulgarischen) Schriftsystems // Palaeobulgarica. XII (1983), 3. С. 52—65; 2) Paläographische und graphematische Aspekte der Kyrillischen Schriftentwicklung in Bulgarien. Göttingen, 1989.

⁹ Бешевлиев В. Първобългарски надписи. София, 1979; Гълъбов Ив. Приносят на епиграфския материал за решаване на лингвистични проблеми. София, 1976.

¹⁰ Снегаров Ив. Християнството в България преди покръстването на княз Борис (865 г.) // Годишник на Духовната академия «Св. Климент Охридски». София, 1955—1956. Т. 5 (31). С. 195—218; Венедиков Ив. Прабългарите и християнството. Стара Загора, 1995; Гюзелев В. Покръстване и християнизация на българите. София, 2006.

¹¹ Dujčev I. Testimonianze archeologiche ed epigrafiche sul Cristianesimo primitivo in Bulgaria (I—VII sec.) // Rendi-conti della Pontificia Accademia Romana di Archeologia. 1980—1981. Vol. 53. P. 181—205.

На территории, заселенной славянами, первая сохранившаяся рукопись, написанная кириллицей, восходит к концу X в.: это Супрасльский сборник и найденный недавно палимпсест Vat. gr. 2502, древнейший слой которого может быть датирован концом X—началом XI в.¹²

В период с VIII по XI в. мы встречаем на территории Византийской империи пять различных форм маюскула:¹³

а) библейский маюскул, форма которого, однако, потеряла четкие очертания и далеко отошла от первоначального канона (IV в.). Самые древние тексты Библии как раз написаны этим типом письма (Ватикана, Vat. gr. 1209; Лондон, Add. Ms. 43725). Некоторые из сохранившихся пурпурных кодексов VI в., писанные золотом и серебром, тоже использовали этот библейский маюскул (Вена, Theol. gr. 31; Париж, Suppl. gr. 1286; Евангелие от Росано, Ватикана, Vat. gr. 2305; Евангелие от Тирана, Veratinus 1).

б) александрийский, или коптский, маюскул (Ватикана, Vat. gr. 2125, VII в.);

в) маюскул с наклоном вправо (Милано, Ambros. 49—50, IX в.);

г) маюскул с наклоном влево (Синай, монастырь св. Екатерины, Sin. Gr. 7, X в.);

д) литургический (так называемый славянский) прямой маюскул — остроконечный (Cod. D. gr. 106, X в.).

Кроме последнего типа, имеющего прямое отношение к созданию кириллицы, здесь мы наблюдаем самостоятельные формы шрифта, которые берут начало в книжном письме периода поздней античности.

Наряду с маюскулом начиная с VIII в. появляется минускульный курсив, использовавшийся в качестве обиходного письма, из которого в IX в. развился минускул. Употребление маюскула с тех пор все больше ограничивается преимущественно теологическими, точнее, литургическими, текстами, что указывает на сохранение здесь старой традиции. Начиная с X и особенно XI в. маюскул используется почти исключительно как шрифт, выделяющий особо важные места текста, хотя, судя по Евангелию Бодлеанской библиотеки (Bodl. Libr. Canon. Gr. 85), в очень редких случаях это письмо встречается и в XII в.

Сравнение форм литургического (так называемого славянского) типа маюскула с самыми ранними рукописями, написанными кириллицей, выявляет зависимость от него букв кириллицы вплоть до мелочей. В качестве примера сопоставим формы шрифта Кирилла Александрийского из Вероны, Енинского Апостола, древнеболгарской рукописи начала XI в. и Добромирова евангелия XII в.

Эти примеры, однако, все еще не отвечают на поставленный нами вопрос, почему глаголица была заменена кириллицей; они решают только

¹² Джурова А., Станчев К., Япунджич М. Опис на славянските ръкописи във Ватиканската библиотека = Catalogo dei manoscritti slavi della Biblioteca Apostolica Vaticana / С въведение от монсеньор Жозе Руискар и проф. Иван Дуйчев. София, 1985. Sofia, 1985 (Двуязычное издание на болгарском и итальянском языках); Джурова А. Украсата на Ватиканския кирилски палимпсест Vat. gr. 2502 = L'Enluminure du palimpseste cyrillique du Vatican Vat. gr. 2502. Sofia, 2002. (Monumenta Slavico-Byzantina et Mediaevalia Europensia. Vol. XVI) (Двуязычное издание на французском и болгарском языках).

¹³ Canart P. Paleografia e codicologia greca // Littera Antiqua. Vol. 7 (Subsidia Studiorum. 2. I—III) / Scuola Vaticana di Paleografia Diplomatica e Archivistica. Città del Vaticano, 1991.

формальную, палеографическую проблему, поэтому мы вновь обращаемся к историческим фактам.

Когда около 893 г. на Церковном соборе во второй болгарской столице Преславле наряду с глаголицей официально был введен новый славянский алфавит — кириллический, созданный на базе греческого маюскула, он оказался отставшим в своем графическом развитии уже более чем на полстолетия и дальше не совершенствовался. Как известно, первая датированная *минускульная* рукопись — это Успенское евангелие 835 г. Этот кодекс из Студийского монастыря написан уже регулярным минускулом, т. е. шрифтом, которым впоследствии была написана почти вся византийская литература.

Если придерживаться теории сознательного создания кириллического алфавита, то возникает вопрос: почему при этом процессе была взята за основу устаревшая уже форма греческого письма — маюкульная. Это нельзя объяснить только ссылкой на то обстоятельство, что в данном случае речь идет о развитии событий в «провинции», поскольку Болгария после 864 г., т. е. после крещения, находилась уже с 870 г. в теснейшем контакте с Константинополем.

Гипотезу о замене глаголицы кириллицей можно объяснить, исходя из того, что в Болгарском царстве были известны и казались легко читаемыми только формы маюскула. Выше мы уже указывали на широкое распространение надписей, писанных греческим маюскулом, т. е. унциалом. Они являются единственным сохранившимся свидетельством маюкульного шрифта на болгарской территории, но вряд ли они были вообще единственной формой использования письменности. В этой связи напомним, что, когда в 864—865 гг. царь Борис принял крещение, Византия уже 180 лет состояла в контакте с Болгарией. Поэтому, принимая во внимание методы внешней политики Византии, трудно поверить, что до этого времени она не проводила или хотя бы не предпринимала попыток миссионерства. Преследование духовенства при болгарском хане Омуртаге в начале IX в. было, по всей вероятности, реакцией на подобную попытку миссионерства.

В качестве примера мы можем привести и Киевскую Русь, в которой тоже еще до 988 г. предполагаются попытки миссионерской деятельности византийцев, хотя мы знаем о них только опосредованно, из вторичных источников. Но вернемся опять к Болгарии.

XIV глава Жития Кирилла содержит намеки на такие попытки миссионерства. Но как хорошо известно, миссионерская деятельность возможна только на базе хотя бы нескольких литургических книг. Миссионерская деятельность византийцев в Болгарии проводилась не на базе глаголицы, хотя та существовала самое позднее с 862 г. (когда моравский князь Ростислав обратился к византийскому императору Михаилу с просьбой о создании для западных областей славянского алфавита), а, возможно, возникла и ранее, в 855 г. в связи с миссией Кирилла среди хазар. Объяснением этого факта может служить то, что греческий маюскул являлся вполне приемлемой формой шрифта, независимо от того было ли миссионерство греческим или славянским.

С возвращением учеников Мефодия из Моравии после 885 г. в радушно принявшее их Болгарское царство возникла проблема алфавита. Для центральных районов Болгарии отказ от греческого маюскула и, вероятно, уже существовавшего кириллического письма, которое постепенно, в течение

длительного периода развивалось в Болгарии, означал бы разрыв с многовековой письменной культурой, что поставило бы под вопрос целенаправленно поддерживаемые тесные контакты с Византией. Глаголица наряду с кириллицей сохранилась только в тех западных областях, в которых греческий маюскул никогда не был первичной формой письменности. Политическое и культурное превосходство восточных областей Болгарии в IX—X вв. предопределило дальнейшую стабилизацию кириллицы и способствовало ее распространению.¹⁴

Кириллические рукописи в своих кодикологических параметрах соответствуют греческим маюскульным рукописям, следовательно, можно предположить, что после приезда учеников Кирилла и Мефодия в Болгарию большая часть кириллических рукописей была переведена с греческих унциальных кодексов, которые, как уже сказано, использовали старую, трудоемкую технологию. К этому в рамках гипотезы можно прибавить и греческие рукописи, привезенные духовниками из Константинополя для крещения болгар, которые, вероятно, были написаны еще унциалом, так как именно в литургических кодексах маюскул сохранился до X—XI вв., а как анахронизм и до XII в. — вспомним упомянутое уже Бодлеанское евангелие XII в., писанное крупным унциалом.

Основываясь на проведенных исследованиях богатого собрания рукописей в Центре им. Ив. Дуйчева, насчитывающего около 460 греческих, 100 славянских и около 200 восточных рукописей периода IX—XI вв., а также на исследованиях рукописей в книгохранилищах Иерусалима, Ватиканской, Парижской библиотек и библиотек бывшего Советского Союза, мы разработали кодикологическую карту, приложимую к византийской (понимаемой в широком смысле слова, т. е. включающей рукописное наследие восточных и западных византийских провинций), а также к славянской (глаголической и кириллической) традициям.

В карте делается акцент на исследованиях тех параметров, которые в той или иной степени раньше игнорировались при исследованиях греческих и славянских рукописей, а именно:

1) какой тип тетради доминирует в рукописях — binion, ternion, quaternion, quinion, senion, ostonion, decanion и т. д. и какие отклонения от этого типа наблюдаются в одной и той же рукописи;

2) какова формула тетрадей, т. е. с какой стороны пергамента — мястной или шерстной (волосяной) — начинается тетрадь в данной рукописи;

3) как применяется правило Грегори, согласно которому листы в тетрадях складываются мястная к мястной и шерстная к шерстной сторонам;

4) какие типы линовки используются для мизанпажа текста;

5) какие системы нанесения линий используются: простые — симультанные, когда нажим наносится с одной стороны пергамента, или сложные — когда нажим вертикальных линий наносится с одной стороны пергамента, а нажим для горизонтальных линий — с другой стороны;

¹⁴ Dujčev I. Protostoria dell'alfabeto slavo // Paleografia, Diplomatica ed Archivistica : Studi in onore di Giulio Battelli. Roma, 1979. P. 231—249; Schreiner P. Il ruolo di Bizanzio nella trasmissione della cultura libraria di popoli dell'Est di Europa. I: Problemi dell'alfabeto e la tradizione di libri // Rivista di Bizantinistica. Bologna, 1993. Vol. 2. P. 355—371; Taxuaoc A. E. Вечното значение на кирилицата // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски»: Център за славяно-византийски проучвания «Ив. Дуйчев». 1994. Т. 87 (6). С. 43—49.

б) как наносятся проколы: на внутреннем или внешнем поле, или и на внутреннем и на внешнем одновременно, или только на внешнем;

7) как выглядит смешанный тип тетради (составленной из пергамента и бумаги) в славянских рукописях в сравнении с восточной и западной традициями;

8) как и где наносится сигнирование в тетрадах.

Формализация этих параметров ставит целью:

во-первых, проследить типологические сходства и отличия в технологических приемах как в византийской (доиконоборческой) традиции, так и в сирийской, арабской, еврейской, армянской, грузинской, итало-греческой и латинской традициях, с которыми славянский кириллический кодекс на технологическом уровне показывает больше сходства, нежели с византийскими минускульными рукописями, созданными в Константинополе начиная с IX в. и особенно в более позднее время;

во-вторых, преодолеть заблуждение, до настоящего времени имевшее место в исследованиях, в которых Константинополь рассматривался как единственный задающий модели центр и не учитывался консерватизм византийской периферии, т. е. части империи, отличающейся своим традиционализмом, более характерным для славянских стран и прежде всего Болгарии в IX—X вв.;

в-третьих, показать синхронность славянского кодекса византийскому кодексу доиконоборческого периода, тому, что осталось в силе в восточных византийских провинциях (например, армянская и грузинская традиции), а в некоторых западных и до XII в. (см. итало-греческие рукописи), а также в скрипториях Кипра, в греческих рукописях, вышедших из монастыря св. Саввы в Палестине, ныне хранящихся в Библиотеке Греческой Патриархии в Иерусалиме, а также в части епиротских рукописей;

в-четвертых, объяснить модель, которая была выработана в Болгарии в IX—X вв. и которая определила кодикологические особенности всех славянских кириллических кодексов в последующие века.

В процессе исследования потребовалось также еще раз поставить вопрос о разных образцах, с которых переписывались глаголические и кириллические рукописи, а также о том, были ли в докириллическую эпоху попытки приспособления греческого унциала к славянской речи (имеется в виду время от 864—865 гг., когда состоялось официальное крещение болгар, до 886 г., когда оставшиеся в живых ученики Кирилла и Мефодия после неуспешной миссии в Великой Моравии приехали в Болгарию по приглашению болгарского князя Бориса). Вполне логично допустить, что в этот 20-летний период Византия направила в Болгарию своих духовников, которые организовали службу в новой церкви. Какие рукописи привезли с собой эти греческие духовники? Прежде всего, это были, очевидно, литургические книги, написанные унциальным письмом, в 70-х гг. IX в. уже отвергнутым в Константинополе и сохранившимся в последующие века только в литургических книгах.

Чтобы ответить на поставленные вопросы, мы решили опереться на исходный материал, т. е. начать работу по нанесению данных в кодикологические карты для рукописей, с которыми имели прямой контакт и возможность работать достаточно длительное время.

Разумеется, мы начали с исследования греческих рукописей на территории Болгарии: в Центре Дуйчева (460 рукописей), в Народной библиотеке Кирилла

и Мефодия (150 рукописей) и в Церковном институте в Софии (210 рукописей), а также с рукописей на территории Иерусалима (около 60 греческих рукописей из Библиотеки Греческой Патриархии). Были исследованы также славянские пергаментные рукописи из библиотек Софии, Парижа, Рима, Белграда, Иерусалима, Москвы, Оксфорда и Лондона.

На основании созданных в Центре Дуйчева около 800 кодикологических карт для пергаментных греческих и славянских рукописей мы можем пока констатировать сходство кириллических рукописей по технологическим параметрам с унциальными кодексами и созданными на периферии Византии рукописями, а также с сирийской, еврейской, грузинской, арабской, армянской, итало-греческой и латинской традициями. В то же время при сравнении кириллических рукописей с глаголическими возникает и другая картина. Часть из глаголических рукописей отражает, как мы уже упомянули, технологические инновации минускульных кодексов, возникшие в Константинополе.

Эти выводы заставляют нас поставить еще один вопрос: соответствуют ли технологические сходства и различия славянской (глаголической и кириллической) и византийской (унциальной и минускульной) традиций тому, что происходит на уровне функционирования определенных текстов. Это касается и декоративного убранства, и способов стилизации глаголических рукописей, которые обнаруживают сходство с восточными (армянской и грузинской), а также бенедиктинской и ирландской традициями гораздо большее, нежели кириллические рукописи, которые после XI—XII вв. определенно византизуются.

Чтобы показать необходимость подобных кодикологических исследований, приведу примеры рукописей широко известных, но вызывающих много вопросов при их детальном анализе.

В Ассеманиевом евангелии, хранящемся в Ватиканской Апостолической библиотеке (Cod. Vat. Slavo 2 X—XI вв.), все еще чувствуется сосуществование двух технологий, которые окончательно не устоялись — маюскульной и минускульной традиций.¹⁵ В чем же проявляется эта смешанная технология?

1) В принципе буквы помещены над строкой (за исключением л. 29v—30), как это характерно для маюскульных, а не минускульных кодексов.

2) Тетради начинаются мястной стороной пергамента, но разлиновка производится не на шерстной, как в минускульной византийской традиции второй половины IX в., а в большей своей части на мястной, как в старой маюскульной и протоминускульной студийской традиции, что характерно также для части греческих рукописей Южной Италии и для кириллических, грузинских и армянских рукописей (можно отметить сходство в системах разлиновки Хлудовской псалтыри 30-х гг. IX в. и Ассеманиева евангелия X—XI вв., а также Мариинского евангелия второй половины XI в.). Примечательно также, что из девяти минускульных рукописей первой половины IX в., которые вышли из-под пера св. Платона, Феодора Студита и их соратников, все листы в пределах тетради линуются, по наблюдению Б. Фонкича,¹⁶ по их мястной стороне, т. е. разлиновка листов проводится не по шерстной,

¹⁵ Джурова А. Ассеманиево евангелие — Vat. Slavo 3 (Един кодикологичен ракурс) // Археографски прилози. Београд, 1998. Т. 20. С. 189—235.

¹⁶ Фонкич Б. Л. У истоков студийского минускула // Греческие рукописи европейских собраний: Палеографические и кодикологические исследования 1988—1998. М., 1999. С. 28—46.

а по мястной стороне пергаментного листа, как в старой, доиконоборческой традиции. Этот этап развития минускульного кодекса Б. Фонкич называет «протоминускульной».

3) В некоторых тетрадах система нажима (нанесение линий) смешанная, как это встречается в доминускульных и ранних минускульных студийских рукописях IX—X вв., а также в упоминаемых здесь рукописях Южной Италии, в большей части славянских кириллических рукописей, где нажим наносился и на мястной, и на шерстной сторонах пергамента. В двух тетрадах Ассеманиева евангелия — в XI и XII — не соблюдается правило Грегори.

4) В рукописи наблюдается большое разнообразие типов (схем) разлиновки подобно ранним минускульным рукописям, а также южноитальянским рукописям X—XI вв. В Ассеманиевом евангелии встречаются четыре типа линирования, притом самые простые.¹⁷

5) Что касается систем разлиновки, Ассеманиево евангелие выявляет употребление систем 3-й, 4-й и 11-й, указанных у Леруа (те же встречаются в самых ранних студийских рукописях,¹⁸ в рукописях из Кампании, Южной Италии¹⁹), а также одной неназванной у Леруа системы, т. е. используются самые быстрые технологические приемы — нажим производится на один или два листа, на остальных листах видны отражения от нажима.

Что нам дают кодикологические наблюдения над Изборником Святослава 1073 г.?

Если для Ассеманиева евангелия объяснимо смешение маюкульной и минускульной технологий, так как его протограф указывает на кирилло-мефодиевы традиции (т. е. на неоднородную среду второй половины IX в.), то после появления минускула и его утверждения как основного типа письма в греческих рукописях конца IX—X в. и наступившей перемены в нем в технологическом плане следовало бы ожидать синхронной реакции и в производстве славянских кириллических рукописей.

Так ли это в действительности? Кодикологические данные Остромирова и Мстиславова евангелий, Изборника Святослава XI—XII вв. и двух основных памятников XIV в. — Хроники Манассии 1344—1345 гг. и Лондонского евангелия 1356 г. — особенно показательны. Например, способ комплектования тетрадью кириллических рукописей свидетельствует о вариативности числа листов в тетрадах в рамках одной и той же рукописи. В минускульных столичных рукописях это встречается довольно редко, но для продукции, вышедшей из периферийных зон Византии, это обычное явление. Подобная вариативность характерна и для доиконоборческой традиции, и для маюкульных рукописей, и для латинской традиции, а также для грузинской и армянской традиций. До IX в. это связано с применением трудоемкой технологии приготовления пергамента, при которой мястная и шерстная стороны листа существенно не различались, т. е. светлая (мястная) сторона и темная (шерстная) не выделялись так сильно, как после IX в., когда начали использовать

¹⁷ Ср. результаты наблюдений А. Джуровой, К. Станчева и М. Япунджича (Джурова А., Станчев К., Япунджич М. Опис на славянските ръкописи във Ватиканската библиотека) с результатами исследования студийских рукописей Б. Л. Фонкичем (Фонкич Б. Л. У истоков студийского минускула).

¹⁸ См.: Ватикана, Ottob. gr. 85.

¹⁹ См.: Vat. gr. 2027. 959 г.

менее трудоемкие методы и эти две стороны стали значительно отличаться друг от друга.

6) Если следовать преобладающей традиции столичных византийских минускульных кодексов, то тетради в минускульных рукописях должны были бы начинаться со светлой стороны пергамента. Но 14 из 26 тетрадей в Ассеманиевом евангелии (это относится и к другим глаголическим рукописям) начинаются с темной стороны, как это присуще доминускульной традиции. Возможно, здесь следует упомянуть, что с темной стороны начинаются также все тетради Остромирова и Мстиславова евангелий, Изборника Святослава, как и Лондонского евангелия за исключением одной, IV тетради.

7) Принцип, известный как принцип Грегори и применяемый в столичных византийских минускульных рукописях, не всегда соблюдается в кириллических рукописях. В них иногда в отличие от византийской традиции чередуются темная и светлая стороны, что встречается чаще всего в рукописях, происходящих из периферии Византии.

8) Нажим наносился не на каждый лист пергамента, а лишь на первый и четвертый (л. 1, 4 об., 5, 8 об.) и, что особенно важно, не по шерстной (темной), как это стало обязательным для византийских минускульных кодексов, а по мястной (светлой) стороне, т. е. по системе 11, указанной у Леруа. Эта система чаще всего применялась в рукописях, вышедших из Студийского скриптория VIII—X вв. Такая кодикологическая особенность существовала в рукописях Платона еще на Вифинском Олимпе во второй половине VIII в. С конца VIII в. (с 798 г.) она была «кодифицирована» св. Феодором в обновленном им Студийском монастыре в Константинополе.

9) В ранних минускульных рукописях, т. е. созданных до первой половины IX в., нажим не наносится для каждой строки текста, а ориентируется лишь на две, т. е. верхнюю и нижнюю, направляющие линии (Гомилия Иоанна Златоуста, Метеора, *Metam.* 594 и Московский фрагмент из ГИМ Син. греч. 387, Катихизис Кирилла Иерусалимского, Ватикана, *Ottob. gr.* 86), или на три направляющие линии — верхнюю, среднюю и нижнюю (Порфириевское четвероевангелие 835 г., Санкт-Петербург, РНБ, Греч. 219; Сборник Феодора Студита, Париж, *Coisl.* 269; Комментарии к книге пророка Исайи, *Paris. gr.* 494; Деяния и послания апостолов, Патмос, Монастырь святого Иоанна, *Patmos* 742; Гомилии Прокла Константинопольского, Ватикана, *Vat. gr.* 2079). Такая разлиновка называется «частичной линировкой» листов. Может быть, стоит отметить использование такой частичной линировки листов, когда строки текста имеют в качестве своей опоры лишь основную рамку, т. е. вообще отсутствуют линии для строк текста. Этот принцип прослеживается в славянских кириллических кодексах вплоть до конца XIII в. (Браткова минея 1243—1244 гг. из Народной библиотеки Белграда, Рс. N 647; Евангелие попа Добрейшо первой половины XIII в. из Народной библиотеки в Софии N 17 и Аргирова триодь из той же библиотеки N 933).²⁰

Теперь придется обратить внимание на то, что происходит в Константинополе в конце VIII и начале IX в.

Известно, что св. Феодор, ставший во главе возобновленного Студийского монастыря в 798 г., создал в своей обители скрипторий. Выработанным в нем

²⁰ Джурова А. Введение в славянската кодикология.

правилам изготовления книг следовали не только в константинопольском центре студийского движения, но, по-видимому, и в монастырях, тесно связанных со Студийским и находившихся как в европейской, так и в азиатской части империи. Судя по сохранившимся образцам студийского книгописания IX в., в этом скриптории по крайней мере в первой трети столетия писали книги как унциалом, так и новым книжным письмом — минускулом. При этом, если исходить из факта распространения в студийской среде минускула в качестве книжного письма с последней трети VIII в., едва ли можно сомневаться в том, что ему придавалось особое значение. Дошедшие до нас его ранние образцы свидетельствуют о том, что Феодором Студитом были выработаны как определенные приемы «книжного строения», начиная с изготовления пергамента и кончая разлиновкой составляющих книгу тетрадей и их нумерацией, так и четкие нормы каллиграфии, хорошо различающиеся, несмотря на индивидуальность почерков, во всех студийских рукописях IX в. Другими словами, в Студийском скриптории существовала школа письма, каллиграфические образцы которой могли быть отработаны на основе почерков таких активных мастеров книгописного дела, какими были сам Феодор и его дядя Платон.²¹ Изучение кодикологии и палеографии студийских минускульных рукописей IX в. выявляет строгое следование изготовлявших их писцов принятым в скриптории канонам.

Результаты анализа Б. Фонкичем студийских рукописей первой половины IX в. свидетельствуют о том, что все они созданы в скриптории, где существовали определенные и, как мы знаем из текста эпитимий св. Феодора, контролируемые протокаллиграфом правила изготовления рукописной книги.²² Речь идет о следующих рукописях: Московский фрагмент (ГИМ, Син. греч. 387) и Парижский фрагмент (Cod. Paris. gr. 1710); Хронографии Феодана; сочинения Павла Эгинского; Порфирьевское Четвероевангелие 835 г. (РНБ. Греч. 219); Катихизис Кирилла Иерусалимского (Ottob. gr. 86); Сборник писем Феодора Студита (Париж, Coisl. gr. 269); Дневник и Послания Апостолов (Patm. 742). К этим рукописям и фрагментам можно отнести рукопись из монастыря Преображения на Метеоре (Cod. Gr. 591), изготовленную в Вифинии. Основные требования при подготовке пергаментного блока в Студийском монастыре до начала собственно книгописной работы, как это показал Б. Фонкич, следующие: а) линование в тетради не каждого листа отдельно, а лишь одного (системы 3, 4 у Леруа) или двух (вариант системы 3 и система 11 у Леруа); б) использование при этом не шерстной, а главным образом мястной стороны пергамента для нанесения на листы сетки разлиновки; в) выработка таких типов разлиновки, когда не требуется специальной линии для каждой строки текста, но вполне достаточно четырех, трех или даже двух направляющих линий, чтобы весь текст был равномерно написан в пределах такой рамки. Эти требования строго соблюдались всеми писцами, причем, по-видимому, не только на начальном этапе деятельности скриптория, но и на протяжении последующих десятилетий. Вероятно, обязательным моментом работы студийской книгописной мастерской, по крайней

²¹ Лопарев Х. М. Византийские жития святых VIII и IX веков. СПб., 1914.

²² Марен, аббат. Константинопольское монашество. СПб., 1899. Т. 1; Каврус Н. Ф. Студийский скрипторий в IX веке: (По материалам рукописей Москвы и Ленинграда) // Византийский временник. М., 1983. Т. 44.

мере в первой половине IX в., своего рода маркой скриптория являлись и так называемые студийские сигнатуры — крестики (см. греческое Евангелие Центра Дуйчева D. 272).²³

Трудно сказать, когда именно сложились все перечисленные правила изготовления рукописей в Студийском скриптории, но вполне возможно, что, как и палеографические особенности, кодикологические принципы раннеминускульной книги в своей основе восходят к книгописной практике Платона и Феодора Студита. В упомянутом уже Четвероевангелии 835 г. (так называемое Порфириевское, Успенское евангелие) и кодикология, и палеография минускульной рукописи представлены в завершенном виде, позволяя тем самым сделать заключение, что этому образцу предшествовал значительный по времени и интенсивности опыт изготовления минускульных манускриптов. К таким принципам следует прежде всего отнести существовавшее, по-видимому, уже в Саккудионе в Вифинии правило линования листов не по шерстной, а по мястной стороне пергамента (насколько можно судить по материалу рукописей IX—X вв., и это — признак не столичного, а провинциального происхождения манускрипта) и, несомненно, типы разлиновки лишь с двумя или, чаще, с тремя направляющими линиями для текста: этот тип разлиновки, нужно полагать, восходит к св. Феодору; в противном случае — при наличии линий для каждой строки текста — было бы нелепо со всей строгостью требовать соблюдения строки, как это предписано студийскими эпитимиями конца VIII—начала IX в. Что же касается систем «скоростной» разлиновки, когда линуются лишь один или два листа тетради, а не каждый лист в отдельности, то естественно думать, что такие системы появляются в скрипториях, развивающих активное книгописание и вырабатывающих в силу этого принципы экономии сил и времени на изготовление одного манускрипта. Особенно этого следует ожидать от таких книгописных мастерских, какой являлся Студийский скрипторий, по крайней мере в первой половине IX в., когда книгописание в нем было одной из разновидностей физического труда и когда запрещалось изготовление рукописей высокого качества, не говоря уже о манускриптах с иллюминацией и миниатюрами. Вероятно, следует предполагать, что системы разлиновки раннестудийских рукописей появляются не раньше конца VIII—начала IX в.; не исключено, что они были заимствованы из чужого опыта книгописания и прижились у студитов с началом активной работы по копированию текстов. Возможно, что уже с основанием скриптория придумали и «студийскую» систему нумерации тетрадей, состоявшую из буквенного сочетания номера в верхнем правом углу первого листа и двух или, реже, одного крестика на вертикалях, определявших столбец текста.²⁴

Исследование глаголических рукописей, показывающее их прямые кодикологические сходства с ранними студийскими рукописями, и кириллических кодексов, обнаруживающих сходство с маюскульным письмом доиконоборческих традиций, дает основание внести определенные уточнения и добавления по линии рецепции византийской культуры кодекса среди славян.

²³ *Džurova A. Répertoire des manuscrits grecs enluminés (IXe — Xe s.).* Sofia, 2006. Vol. 1. P. 29—45, ill. 155—166.

²⁴ *Фонкич Б. Л. У истоков студийского минускула.*

Кириллические рукописи, которые восприняли в технологическом плане византийскую доминантную традицию, близки к рукописям, созданным в периферийных районах Византии, к тем, которые сразу не ввели в обиход столичные нововведения, принятые в Константинополе в IX—X вв. В греческих рукописях, например из Южной Италии, и то не во всех, только после XII в. делаются попытки смены технологии по образцу роскошных кодексов Комниновой эпохи.

Вследствие того что кириллический кодекс, как в плане его изготовления, так и в плане письма долгое время оставался уставным (т. е. маюскульным), славянский кодекс впадает в асинхронную позицию по сравнению с византийскими минускульными рукописями, изготовленными в Константинополе. Таким образом, при своем возникновении славянский кириллический кодекс в чисто техническом отношении являлся носителем кодикологических традиций, отброшенных самой Византией после IX—X вв. и бытовавших позже только в некоторых византийских провинциях. И именно эти отброшенные традиции утверждаются среди славян, армян и грузин как преобладающая практика в последующие века. В этом плане самым показательным является сохранение пикирования листов в тетрадах, т. е. нанесение проколов только на внутренних полях в славянских рукописях до XVIII в. (см., например, *Архиерейский чиновник* Р.с. 64 1764 г. из Народной библиотеки Белграда). Эта практика воспринимается в византийских минускульных рукописях после IX в. как анахронизм (например, *Cod. D. gr. 272*, IX в. и *Vat. gr. 699*, X в., а также некоторые рукописи из Кипра — *Cod. D. gr. 358*, 1125 г.), но встречается и в глаголической Псалтыри Димитрия Олтарника № 2 XII в. из монастыря св. Екатерины в Синае, в Изборнике Святослава 1073 г.²⁵

Итак, если рассматривать славянский кодекс в контексте книжной культуры Византии вообще, т. е. не только в сравнении со столичным искусством, но принимать во внимание и рукописную продукцию византийской периферии, особенно сиро-палестинского ареала, то необходимо учитывать, что в технологическом плане кириллические рукописи обнаруживают большее сходство с восточными и западными (итало-греческими до XII в.) рукописями, чем со столичными, а также с еврейскими и с латинскими. Почему с латинскими?

В латинской рукописной книге до конца VI в. комплектование тетрадей начинается и с мясной (светлой), и с шерстной (темной) сторон пергамента, как мы это видим в ранних минускульных греческих рукописях IX в. и позднее. В период с VII в. до середины VIII в. исследователи латинской кодикологии отмечают отсутствие системы в комплектовании тетрадей. Они определяют этот период как «смутные времена». Некоторые исследователи расширяют хронологический диапазон до X в., отмечая, что исключение в этом отношении наблюдается в рукописях Корби. По прошествии «смутных времен» латинские рукописи начинаются обыкновенно тетрадью с шерстной (темной) стороны (подобная формула тетради, как уже было отмечено, доминирует и в кириллических рукописях); проколы встречаются и на внутреннем, и на внешнем маргинале (опять подобно ранним кириллическим); когда текст написан в две колонки, горизонтальные линии, на которых располагается письмо, редко

²⁵ *Džurova A.* Les manuscrits grecs enluminés du Monastère de Saint-Sabas et leur influence sur la tradition slave.

пересекают пространство, фиксированное вертикальными линиями между колонками; и первые две горизонтальные линии доходят до края внешнего маргинала, как это можно видеть и в славянских кириллических рукописях, и т. д. Однако помимо параллелей между славянскими и латинскими рукописями в плане комплектования тетрадей эти особенности наблюдаются и в рукописях восточных провинций, и в итало-греческих рукописях вплоть до XII—XIII вв. Эти технологические отличия в маюскульных и минускульных кодексах на уровне столичного и провинциального происхождения до XII в. являются не только результатом влияния латинских рукописей на греческие скриптории Южной Италии, как считалось в науке до недавних пор, но, вероятно, и результатом взаимодействия двух традиций: первой — доикноборческой, продолжавшей действовать на периферии Византии и после инноваций в Константинополе в IX в., и второй традиции, связанной с развитием латинского кодекса, технология которого изменилась согласно правилам в Византии до IX в.²⁶

Можно ли перенести отмеченные нами технологические приемы и на декоративное убранство кодекса?

В ходе исследования видов орнаментального убранства греческих рукописей и их влияния на убранство кирилловской книги была сделана попытка приблизительной реконструкции первоисточников, позволяющей приблизительно ответить на вопрос, какими источниками пользовались славянские первоучители при оформлении первых славянских глаголических и кириллических памятников. Разделяя точку зрения Емила Георгиева²⁷ и Валентина Кипарского,²⁸ а также и Кирилла Мирчева,²⁹ что графическая система глаголицы была результатом самостоятельного свободного творчества Кирилла и ее сходство с остальными графическими системами является только кажущимся (находящим объяснение во влияниях греческого и еврейского алфавита), можно заключить, что и в орнаментальном убранстве первых славянских книг руководствовались стремлением противопоставить славянскую автономность классическому триязычию, заложенному концептуально уже в самом акте творчества. Философско-богословский аспект нового алфавита, выраженный посредством включения в его графическую систему трех основных символов христианской веры — креста, треугольника и круга, по мнению Георга Чернохостова,³⁰ также подтверждает предположение о создании совершенно новой славянской азбуки, выходящей за рамки знакомой уже традиции фонетических алфавитов.

Именно эта попытка создания совершенно новой (насколько это было возможно) системы представляет, быть может, основу, на которой зиждятся известные гипотезы о параллелях глаголицы, находимых во всех знакомых фонетических алфавитах — не только в еврейском, латинском и греческом, но и в письменностях Африки и Азии. В орнаментальном убранстве глаголи-

²⁶ *Džurova A.* Byzantinische Miniaturen : Schätze der Buchmalerei vom 4. bis 19. Jahrhundert / Mit einem Vorwort zur deutschen Übersetz. P. Schreiner. Regensburg, 2002. S. 150—162.

²⁷ *Георгиев Е.* Славянская письменность до Кирилла и Мефодия. София, 1952.

²⁸ *Кипарский В.* О происхождении глаголицы // Климент Охридски : Материали за неговото честване по случай 1050 г. от смъртта му. София, 1968. С. 91—97.

²⁹ *Мирчев К.* Историческа граматика на българския език. София, 1965.

³⁰ *Tschernochvostoff G.* Zum Ursprung der Glagolica // *Studia Slavica Finlandensia.* 1995. T. 12.

ческих рукописей, а также в убранстве кириллических рукописей, имеющих черты глаголицы, раскрывается столько разнообразных тенденций и влияний разных регионов, что их сочетание можно приписать только лишь амбициозной идее первоучителей отмежевать славянскую письменность от остальных алфавитов. Эти разнообразные тенденции можно объяснить и эклектическим духом того времени, гетерогенной основой византийской культуры послеиконоборческого периода, когда славяне приобщаются к христианской культурной общности. Подобную картину орнаментального убранства обнаруживаем и в средневековых рукописях дороманского и романского периодов стран латинского круга. Исключительное разнообразие отраженных в них стилей дает основание проф. К. Норденфальку считать, что они различаются между собой в такой же степени, как и различные языки, напоминая ему различие миниатюр рукописей двухтомного издания Э. Циммермана, публикующего образцы докарولينгских, меровингских и инсуларских миниатюр, к которым можно было бы добавить и целый ряд других памятников, как например, ирландские рукописи.³¹ Исследуя лишь один мотив — способ стилизации плетенки, — он открывает две противоположные тенденции, которые в рукописях VII—VIII вв. уже свидетельствуют о различных распространяющих их центрах. Те же противоположные тенденции видны и в способе интерпретации плетеного или, точнее, ленточного орнамента ранних глаголических и кириллических рукописей в диапазоне от геометризованного, лапидарного стиля с жесткими узорными лентами Ассеманиева евангелия до свободного пластического плетеного орнамента Синайского евхология (X—XI вв.), от использования линейки и циркуля в кругах, восьмерках и вычерченных по прямой линии лентях Ассеманиева евангелия до неточностей вытянутой линии Синайского евхология, возникших в результате свободного рисования узора. Общей чертой и для латинских, и для ранних глаголических и кириллических рукописей является, однако, применение в качестве основного мотива ленточного орнамента в зависимости от конструкции заглавной буквы в различных письменностях трех континентов — Азии, Африки и Европы.

Именно поэтому исследование орнаментального убранства дороманского и романского периодов, так же как и изучение латинской рукописной традиции, приводит нас к тезису об использовании общих мотивов и способов стилизации, а иногда и иконографии, пришедших, по всей вероятности, с двух сторон — из сирийско-палестинского христианского центра и христианского искусства Египта VI—X вв. и из неизвестного нам места, теряющегося между Вифинией и монастырем Полихрона, где Мефодий был игуменом и где некоторое время жил его брат Кирилл. К этому надо прибавить и миссии Кирилла и Мефодия в западнославянских землях и Риме до момента прибытия их учеников в Болгарию. Возможно, что и здесь произошло переплетение или обновление мотивов, стилизаций и иконографических моделей, вышедших столетия тому назад из малоазиатских и христианских центров искусства.

На сегодняшнем этапе реконструкция проблемы Восток—Запад в орнаментальном убранстве ранних глаголических и самых ранних кириллических рукописей с чертами глаголической орнаментики сводится к выдвиганию

³¹ Nordenfalk C. Die spätantiken Zierbuchstaben : Die Bücherornamentik der Spätantiken. Stockholm, 1970. Bd. 2.

отдельных гипотез в пользу одного или другого направления при все еще явном отсутствии реальной возможности примирения двух крайних полюсов мнений (Ф. Томсона и И. Шевченко³²). Не случайно проф. И. И. Шевченко считает, что орнаментальное убранство глаголических рукописей выполняет роль «разведчика-следопыта» при исследовании связей, источников и традиций различных культур, имевших влияние на оформление древнеболгарских рукописей.³³

Декоративное убранство кириллических рукописей свидетельствует об отсутствии знаний о таких направлениях, проявившихся в декорации греческих рукописей X в., как «стиль блю» или стиль «Laubsägestil».³⁴ Это означает, что образцами для кириллических рукописей послужили унциальные греческие рукописи, которые были на территории Болгарии и в которые эти новые для Константинополя направления не могли проникнуть.

Таким образом, единственная возможная рецепция византийского кодекса славянскими рукописями была предопределена имевшимися в наличии рукописями, которые служили образцами для конкретных переводов. Это определило как отмеченные нами кодикологические особенности, так и отсутствие «стиля блю» и «стиля «Laubsägestil», а также разнообразие в декорации, невозможность выработать определенный самостоятельный стиль — то, что появится в славянских кириллических рукописях только в конце XIII и особенно в XIV столетии.

³² Ševčenko I. Report on the Glagolitic Fragments (of the Euchologium Sinaiticum?) : Discovered on Sinai in 1975 and some Thoughts on the Models of the Make-up of the Earliest Glagolitic Manuscripts // Harvard Ukrainian Studies. 1982. Vol. 6. P. 119—151; Tomson F. Early Slavonic Translation and Italo-Greek Connection? // Slavica Gandensia. 1985. Vol. 12. P. 221—234.

³³ Ševčenko I. Report on the Glagolitic Fragments... P. 119—151.

³⁴ Dufrenne S. Problèmes des ornements des manuscrits byzantins : Deux études dédiées à Kurt Weitzmann // Scriptorium. 41. 1987. P. 35—57; Perria L. Manoscritti iminiati in «stile blu» nei secoli X—XI // Rivista di Studi bizantini e neoellenici. N. S. T. 24 (XXXIV). Roma, 1987. P. 85—124.